

Михаил Морок

Белый Странник

«Автор»

2026

Морок М. В.

Белый Странник / М. В. Морок — «Автор», 2026

Сергей — корректор. Он пятнадцать лет правит чужие запятые и молчит о своих. Дома три разговора идут параллельно и ни один не пересекается: автобус, зубы, фитнес — и телевизор, который громче всех. А ещё он забыл батон. Опять. Однажды вечером он выходит за хлебом и садится на лавочку рядом с чужим человеком, у которого осталось ровно полбуханки и слишком много претензий. С этого вечера в его жизни появляются крошки, которые нельзя выбросить, белый силуэт за гаражами, который не даёт тени, и текст, который страшно отправить. Потому что написать от себя — труднее, чем исправить чужое. И потому что хлеб, который делят, не иссякает.

Содержание

Батон	6
Лавочка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Михаил Морок

Белый Странник

М. В. Морок
БЕЛЫЙ СТРАННИК
повесть

Батон

Во вторник ужин кончался, как кончался всегда: Ирина собирала тарелки, Лиза сидела в наушниках и слушала то, чего не слышал никто в этой квартире, а телевизор в комнате говорил голосами людей, которых в квартире тоже не было. Сергей сидел за столом и думал, как закончится седьмой абзац. Седьмой абзац не заканчивался.

— Тебе кофе второй раз подогревать? — спросила Ирина. Он не услышал.

— Серёж.

— А? Да, не надо, спасибо.

Лиза что-то сказала — в телефон, не в комнату. Он посмотрел на неё и вдруг увидел, какой у неё вырос подбородок. Куда-то ушёл ребёнок, не попрощавшись, и громче всех этого не заметил никто, потому что Лиза сидела в наушниках, а Ирина носила воду.

Лиза сняла один наушник — не оба; оба снимать было уже жестом из другой, детской эпохи.

— Пап, за автобус на пятницу сдавать. Тысячу двести.

— Вчера была тысяча.

— Вчера не было музея. Музей отдельно.

Ирина из кухни, не оборачиваясь:

— А зубы? Ты к Соловьёвой записалась или мне завтра с работы звонить?

— Записалась, — сказала Лиза, натягивая наушник обратно.

— Когда?

— Пап, ну я же сказала: записалась.

В комнате говорил телевизор — про погоду, про кредиты, снова про погоду. Ирина вернулась с тарелками и сказала в сторону, ему и не ему:

— Меня в четверг в ночь ставят, подмены нет. Утром Лизу не забудь, в фитнес.

— Она же говорит — в пятницу экскурсия.

— В четверг фитнес, в пятницу экскурсия. Ты слушал вчера?

Три разговора шли параллельно и ни один не пересекался ни с каким: автобус жил в одном мире, зубы во втором, фитнес в третьем, а четвёртым миром был телевизор — и он оказался громче всех.

— Батон забыл. Опять, — сказала Ирина, выходя на кухню.

Это не было упрёком. Это был отчёт о положении дел, как сводка погоды.

— Сестра моя вчера звонила, — сказала Ирина уже с кухни. — Всё зовёт в гости, в Воронеж. В мае, говорит, самое.

Никто не подхватил — телевизор был громче.

Он кивнул ей в спину и подумал, что батон теперь тоже принадлежит к числу вещей, которые он подводит. Тысячу двести за автобус. Зубы — сколько там первый приём, три с половиной? Он знал, где лежат деньги: в конверте, за документами на квартиру, — и знал, что в конверте их меньше, чем на всё, что он только что наслушался.

Блокнот он достал из ящика — старый, в клетку, на резинке, купленный, когда Лиза ходила в седьмой класс. Даты записывал слева, по-канцелярски, без прикрас:

25 — аванс. 28 — квартплата. 15 — Лиза, экскурсия, 1200 (музей отдельно, узнать сколько). 20 — Лиза, зубной.

Суммы он писал не потому, что боялся забыть, — он их помнил наизусть, все. Писал, чтобы видеть столбик. Столбик всегда кончался раньше месяца: между «аванс» и «зарплата» было двенадцать дней, и он умел их проживать — проживал много лет, но каждый раз как первые.

Под строкой про зубы просилась ещё одна строка. Рука сама повела перо — вывела «Д», короткое, знакомое, как первая буква любого списка, — и Сергей придавил лист ладонью, как прикрывают нечаянно сказанное вслух. Подержал. Резинка на блокноте лопнула ещё весной; застёгивать было нечем, и он убрал его в ящик как был.

Вечером он сел за стол у окна, включил лампу. Лампа была старая, с абажуром, купленным ещё при Диме, — Дима вёз его из отпуска и смеялся, что теперь старший брат будет читать младшему при свете. Лампу оставили. Диму не оставили.

Седьмой абзац не заканчивался с прошлой недели. Он написал: «Люди устали говорить громко» — вычеркнул: говорено. Написал: «пока мы не научимся слышать друг друга» — вычеркнул: пафос, таких фраз на каждом заборе. Написал просто — и простое держалось хуже всего, потому что за простотой было видно, как он старался. К полуночи осталось то, с чего начинал: «Прошу вас, дорогие мои. Ищите в себе странника». «Дорогие мои» он вычёркивал трижды и трижды возвращал: слово было не его — из писем, из старых, — а другого у него не было.

От окна он отвлёкся на белое: за гаражами, на границе фонарного света, что-то белело — шевельнётся и нет. Он смотрел, пока не разглядел: простыня. Кто-то повесил на сушилку, в ночь, по-хозяйски, не откладывая на завтра. Белого стало меньше.

В детстве во дворе говорили про белого — он уже не помнил кого: про деда, про собаку, про трактор, занесённый до кабины. Помнил только, что белого боялись и всё время видели — из каждого окна, за каждой сушкой. Теперь про этого не рассказывали: теперь дети сидели в окнах сами, белые от экранов.

Когда-то давно, лет двенадцать назад, он пропустил в заголовок «компанию» вместо «кампаний». Мелочь, никто не заметил, заметка жила свою жизнь и умерла, как умирают заметки. А он помнил до сих пор — не заголовок помнил, а своё тогдашнее «ну и пусть». Вот чего он не мог себе простить: не ошибку — «ну и пусть». С тех пор он правил всё, что попадало под глаз, — и не написал от себя ни строчки.

Он дописал седьмой абзац. Прочёл всё сверху вниз глазами корректора, не как автор: нашёл две запятые и одну букву не ту. Исправил запятые. Своих слов среди них не нашлось ни одного.

В конце было то, что он переписал за вечер пять раз и всё равно оставил: «Прошу вас, дорогие мои. Ищите в себе странника».

Он отправил.

Потом сидел и слушал, как тихо в квартире. Ирина мыла посуду — быстро, как всегда, будто боялась опоздать куда-то, где никого нет. Лиза закрылась. По подъезду прошёл кто-то тяжёлый, до пятого этажа, и стало тихо совсем.

Он обновил ленту. Ничего. Положил телефон экраном вниз. Через минуту взял и обновил ещё раз. Ничего. Ноль. Одна карточка «подпишитесь на канал» — от бота, у которого не было ни лица, ни причины.

— Ты опять эти свои... строчки? — Ирина стояла в дверях с бутылкой воды. Было уже за полночь; она в халате, волосы косой, и лицо у неё было усталое — не злое, усталое. — Батон забыл. Опять.

Он накрыл лист ладонью. Увидел это со стороны — с какой стати прятать от неё строчки, кому он их прячет? — и не убрал руку. Рука была умнее его.

— Спи, — сказал он. — У тебя завтра первая смена.

Она взглянула на лампу — на тот самый абажур, из диминого отпуска.

— Абажур-то перетянуть бы, — сказала она. — Выцвел.

Она постояла ещё секунду и ушла. В коридоре что-то шваркнуло — тапок о тумбочку, не со злости, просто так ложится.

Он отнёс Лизе чай. Она не просила. Постучал, открыл: наушники она сняла, один конец висел на плече, и было видно, что она всё-таки живая, тёплая, его.

— Пей, пока горячий.

— Пап, ну я почти сплю, — сказала Лиза. Но чашку взяла.

— Экскурсию на пятницу не забыл? Машка уже сдала.

— Не забыл.

— И про экскурсию ещё раз. У тебя всё забудется.

— Спокойной ночи, — сказал он и закрыл дверь осторожно, как закрывают, когда боятся разбудить не спящего, а что-то ещё — что, он не назвал бы.

По дороге на работу, у второго подъезда, две старухи говорили о своём — о пенсии, о холоде, — и он поймал обрывок: «...точно тебе говорю, в белом, за гаражами ходит...». Дальше разговор ушёл в другую сторону, и он не понял, кто ходит и ходит ли. Отряхнул это с себя, как снег с плеча, — но до самой редакции несли не снег, а слово.

В редакцию он пришёл раньше всех, как приходил всегда: к восьми, когда коридор ещё пахнет хлоркой от ночной уборки, а в чайнике накипь. На столе лежала стопка; сверху — заметка Шурика про отопительный сезон. «С началом октября горожане массово начали жаловаться...» — «массово начали» он увидел раньше, чем прочитал. Правил не глядя, как хирург, которому не нужно заглядывать: руки сами.

Он правил уже и вне работы. Вывеску «овощи круглосуточно» — с двумя «о», одна почему-то заглавная, — он не мог читать как написано: читал как правильно. Афиши, объявления, чужие сообщения в телефоне — глаз шёл по строке и тянул за собой руку. Так это и работало: не профессия, а природа. Глаз, который не умеет не видеть.

Шурик пришёл к десяти, глянул в распечатку и не расстроился.

— Ты же всё равно поправишь, — сказал он без злости, почти нежно. — Зачем я стараюсь?

— А ты и не старайся, — сказал Сергей — и услышал, как это прозвучало. Хотел доброе, а вышло усталое.

За окном редакции, по дорожке, кто-то прошёл в белом. Сергей не поднял глаз.

Планёрка была в маленькой комнате, где вечно не хватало тепла: повестка начиналась словами «нужны просмотры».

— Сергей Васильевич, лонгрид, который ты правил, я видела, — сказала Ольга Палычна. — Ты же умел заголовки делать. Тут надо не «О городе и людях», а что-нибудь... знаешь, с сердцем. Чтоб плечо дёрнуло кликнуть. «Умирующие дворы» — вот это уже лучше. Или «Почему вас никто не слушает». Проверено, ходит.

— Он о городе, — сказал Сергей.

— А город у нас в отделе рекламы, — сказала Ольга Палычна без улыбки, и все засмеялись, и он тоже, и на этом его молчание кончилось — его никто и не заметил.

В обед, в редакционной столовой, он листал ленту. Там крутило видео: парень в каком-то дворе — может, даже в таком, как их, — поджёт подъезд за страховку и снял на телефон. Три тысячи лайков, триста возмущённых комментариев, все злые и все довольные, что есть на кого. Он смотрел на этот двор и узнавал в нём свой — не события, а самый двор: тополя, сушилку, лавочку. Там тоже кто-то сидел на лавочке, и его не спасали.

Днём позвонил банк.

— Сергей Васильевич? У нас для вас выгодное предложение... — голос был молодой, вежливый и очень торопливый, будто предложение могло улететь.

— Не интересуюсь.

— Всего минута, вы не дослушали условия...

— Не интересуюсь, — сказал он и положил трубку сильнее, чем надо.

Целый день он носил в голове цифры: аванс через десять дней, Лизе на экскурсию и к зубному, — и всё это надо было разложить по каким-то полочкам, а полочек не было. Он сорвался на голосе в трубке за то, за что в другое время не зацепился бы, и знал это про себя, и ничего не мог поделать.

Вечером он снова обновил ленту. Ничего. Ни лайка, ни комментария — даже злому был бы рад: злые тоже читают. За окном во дворе горел фонарь над лавочкой, и лавочка была пустая. Он долго смотрел на неё, и мысли у него были странные и большие, а выходили они маленько.

Батон он так и не купил.

Лавочка

За батоном он так и не сходил до пятницы — вышел, когда зажглись фонари. В киоске был только вчерашний, «свежести вчерашнего дня», как честно писал ценник. Сергей взял два: один для дома, чтобы завтра перед Ириной не быть должником, второй — так, без адреса. Кассирша пробила без вопросов. В такие вечера люди покупают два батона, и ничего.

Двор в конце октября темнел рано. Света в окнах было мало: где-то сверху голубел телевизор, в третьем подъезде горела лампочка на лестничной клетке — сколько она горела, никто не помнил; её никто не менял, и она держалась. Сушилка ржавела, как ржавела с его детства. Под тополями у лавочки лежал слой жёлтого, и на нём уже мокло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.